

Русский художник Петр Нилус

В Париже в галерее Wally Findlay с 17 апреля по 31 мая проходит персональная выставка русского художника Петра Нилуса.

Жизнь Петра Александровича Нилуса была отмечена следами эпохи, в которую ему довелось жить — две мировые войны, Октябрьская революция, эмиграция. Вот как описал ее Иван Алексеевич Бунин — один из старейших друзей художника, называвший его «богато одаренным и прекрасным человеком».

Он родился 29 июня 1869 г. в Подольской губернии, рос в Одессе, учился, окончил реальное училище, в Одесской Рисовальной школе, где был учеником известного художника Костанди, в Петербурге, поступив в Академию Художеств, работал в мастерской Репина, в конце восьмидесятых годов вернулся в Одессу и начал работать самостоятельно. В 1890 г. он уже был участником первой выставки Южно-Русских художников, а затем и выставки Передвижников, членом которых оставался после того многие годы. С тех пор он стал совершать с художественными целями частые поездки в Париж, посещал Германию, Австрию, Италию, выставлял свои картины в Мюнхене, в Вене, в Риме... Покинув в 1919 г. Россию, он жил в Болгарии и в Австрии, устраивал свои выставки в Софии, Белграде, Загребе и Вене, в 1923 г. окончательно переселился в Париж, много выставлял и здесь, неизменно встречаемый большими похвалами наиболее видных французских художественных критиков, ценивших его как первоклассного колориста и художника-позста: начал в молодости с реалистического жанра, П.А. все более и более тяготел впоследствии к романтике пейзажа и персонажей начала и середины прошлого века; в Париже он работал особенно много,

следний из сделанных при жизни писателя.

Начало века для Петра Нилуса было временем знакомства с живописью импрессионистов. Их влиянием и отмечены работы художника 10-х и 20-х годов. В эти годы он увлекся пейзажной живописью, и именно тогда критики часто называли его «русским Сезанном». Работы Петра Нилуса становятся в эти годы широко известны и в России. И.А. Бунин вспоминал, как прославленный русский художник Илья Ефимович Репин в одном из писем к писателю восклицал по поводу предстоящего приезда Нилуса: «Слышу от товарищей по кисти, слышу милую весть, что приехал Нилус, наш художник прекрасный. Ах, если бы мне его краски...»

К середине 20-х годов у Нилуса пробуждается интерес к характерам и быту ушедшей эпохи. Сам художник так объяснял эту метаморфозу, неожиданную для многих, но столь органичную и живую для него самого. «Вы знаете, что я пережил глубокую ломку, — писал он. — Я был страстным реалистом, писавшим картины с лю-

«Автопортрет». 1935. Масло.

сем того времени, — как я бросил свой романтизм и снова вернулся к реализму, но уже на новой основе...»

Темами картин Нилуса в последние годы его жизни становятся парижские улицы, предместья, натюрморты. «Его творческий метод отличается исключительно точным изображением городского пейзажа, — пишет о работах «позднего Нилуса» французский критик Раймон Шарме. — Он изображает дома и улицы, заполненные людьми, велосипеды, автобусы. «Героями» его картин становятся газетные киоски, газовые фонари, скамейки и мокрые от дождя тротуары, которые как бы тоже чувствуют сменяющиеся времена года и часы дня... И везде он умеет сочетать мельчайшие детали с гармоничным единством всей композиции. Синтез заменил собой анализ... А его натюрморты полны сочности и правдивости, они как бы кусок самой жизни, обрезанный рамкой полотна...»

На выставке представлено больше всего работ именно этого периода. Самые известные из них — «Площадь Республики», «Булонский лес весной», «Улица Ремюза», «Натюрморт с двумя вазами», «Натюрморт с лампой».

Выставка работ Петра Александровича Нилуса продлится до 31 мая. Сообщая о ней в еженедельнике «Французская пресса», критик Донателло Мико замечает: «Здесь мы встречаемся с прекрасным, над которым не властно время и которое позволяет назвать Петра Нилуса одним из крупных мастеров вечно искусства».

АРИНА ГИНЗБУРГ

«Концерт». 1921-1923. Акварель.

«Белый сервиз». 1930. Масло.

Петр Нилус о Чехове

В первый раз я увидел Антона Павловича в 1901 году в Ялте, на его даче. Приехал я к нему с И.А. Буниным. Как сейчас помню сухой, сияющий апрельский день, сверкающую пыльную дорогу Аутки, белый дом, запыленный садик. А.П. был у своего дома, в летнем пальто, застегнутом на все пуговицы, в мягкой шляпе с тростью в руке, рядом с ним стоял журавль, поджав одну ногу.

— А я думал, что вы приехали покупать мою дачу, — сказал улыбаясь А.П., когда Бунин представил меня ему. — Зачем вы живете в Одессе? В Одессе только акации хороши...
Зашел разговор об Одессе, одесских газетах, одесской прессе, одесских женщинах.

И акации, и пресса, и женщины, — все одесское не нравилось Антону Павловичу. Кажется, А.П. немало позавидовал мой цилиндр; и когда мы вошли в дом, он взял у меня его из рук, подошел к зеркалу, надел и сказал:

— Когда я приезжаю в Париж, — сейчас же покупаю цилиндр — отличная шляпа (...)
Мое писание портрета было неудачно. А.П. был не совсем здоров, встревожен, ждал в Ялту больную жену. Сеансы были коротенькие — полчаса, час (...). Я уехал, и только несколько лет спустя, уже после смерти А.П., почел своим долгом, как мог, закончить начатое по наброску и фотографиям (...)

Во время сеансов почти всегда бывал И.А. Бунин. Разговор шел

обо всем: и о литературе, и о критиках, об издателях и о том, как нужно писать. О ценах на землю, о будущности «открыток», которые тогда стали входить в моду, о революции, о новом читателе и о том, как нужно себя держать с приятелем, приехав на извозчике, желая уклониться от платежа... и т.д. и т.д.

...Во время сеансов, чтобы не утомлять А.П., я просил его делать то, что ему угодно. Он обыкновенно просматривал газеты и пил кефир.

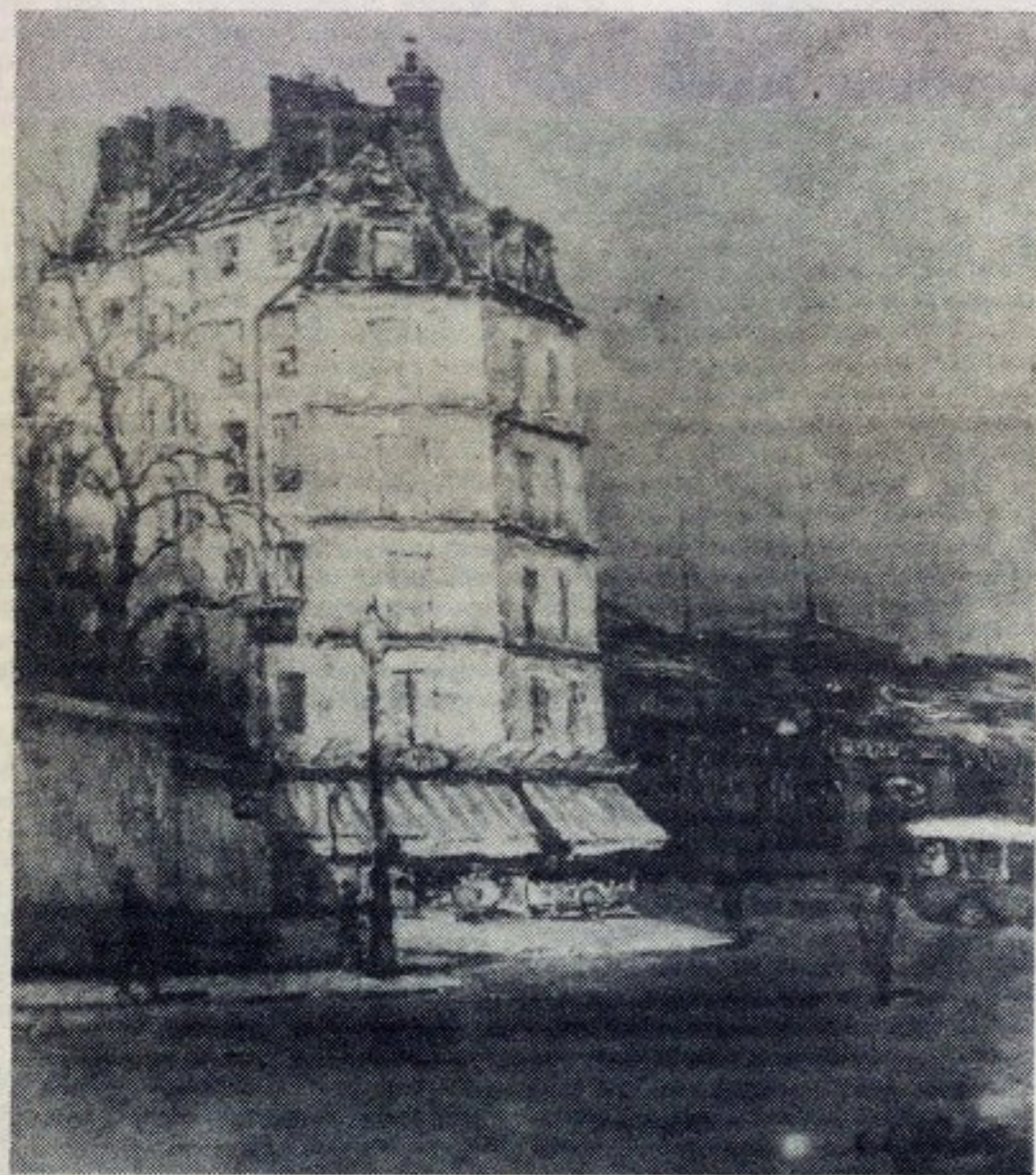
— Иван Алексеевич, — не раз говорил А.П., когда бывал Бунин, — прочтите что-нибудь из Чехова.

Бунин превосходно читал маленькие рассказы Чехова. Первым смеялся А.П. своему вымыслу живым чеховским смехом.

«Букишон», «Букишончик», — называли Бунина в семье Чехова, где его любили за живость, молодую остроту наблюдательности, за тот юмор, который в его произведениях проявился только десять лет спустя.

Наиболее живое впечатление о фигуре Чехова дают воспоминания И.А. Бунина, хотя не портретно, но убедительнее всякого протокольного описания. Портрет Чехова Бунина сложился таинственно, между строк, неизвестно как. Вероятно, таким и должен быть настоящий литературный портрет.

«Речь», 2 июля 1914, № 177.

«Улица школ». 1933-1935. Масло.

достиг полного расцвета и разнообразия своего дарования.

Наследие оставил он большое: помимо того, что еще можно видеть в его парижской мастерской, картины его находятся во многих и многих русских и европейских музеях и частных собраниях: в Одессе, в московской Третьяковской галерее, в бывшем музее Александра III и в музее Академии Художеств, в Париже, Страсбурге, Гренобле, Лондоне, Нью-Йорке, Загребе, Белграде, Софии...

Был он и талантливым беллетристом — повесть его «На берегу моря», напечатанная в 1906 г. в альманахе «Шиповник», затем книга рассказов, изданная «Книгоиздательством писателей в Москве», имели крупный успех; был тонким знатоком музыки, обладал чуть ли не абсолютным слухом; пленял всех знавших его добротой, благородством, вечной молодостью сердца...

Так писал Иван Алексеевич Бунин о своем друге Петре Нилусе в статье, опубликованной в 1946 году — к третьей годовщине со дня смерти художника.

Все творчество Петра Нилуса можно условно разделить на четыре периода. Начало творческого пути художника — 90-е годы прошлого столетия — отмечено влиянием передвижников. Тонкий лиризм и интерес к красоте повседневной жизни роднят Нилуса тех лет с Чеховым. Не случайно, завершением этого периода, как бы его итогом, был портрет Чехова, начертанный Нилусом в 1904 году — по-

бовью к деталям и нюансам. Но потом я испытал глубокое влияние русского романтизма и понял, что он несовместим с реализмом. Впрочем, этот внутренний переворот произошел во мне отнюдь не в одно мгновение. Постепенно развиваясь, я пришел к выводу, что настоящее искусство находится внутри нас, и что писать надо только то, что глубоко прочувствовано. Мой новый творческий метод состоит в том, что я ничего больше не копирую, но преобразую темы и предметы...»

(Нечто подобное переживали и некоторые другие русские художники — современники П.Нилуса. Вспомним хотя бы картину В.Кандинского «Дама в кринолинах», написанную им в 1909 году и хранящуюся сейчас в Третьяковской галерее в Москве. Или работы Бенуа, Сомова, Борисова-Мусатова...)

На выставке в галерее Wally Findlay из акварелей и холстов этого периода, довольно полно представленного в экспозиции, особенно примечательны картины «Холодная осень», «Прогулка осенним вечером», «Гулянье в парке весной» и «Поздний ужин». На них изображены дамы в изысканных старинных одеждах, изящно подстриженные парки, мраморные скульптуры — вся эта давно ушедшая эпоха, которая на картинах Нилуса как бы подернута флером ностальгии.

Однако к середине 30-х годов художник стал все больше и больше отходить от этих тем и сюжетов. «Вот уже 6 лет, — писал он в одном из пи-